

КУЛЬТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ

Анохина В.В. (г. Минск, Беларусь)

В статті обгрутовуються евристична значущість комунікативної моделі культурної традиції для аналізу сучасної соціальної динаміки. Запропонована автором інтерпретація традиції дозволяє уявити даний феномен у єдності його змістовних, структурно-функціональних і динамічних характеристик. Також дана модель дозволяє визначити механізм впливу традиції на форми і напрями розвитку сучасних суспільств.

Ключові слова: *культурна традиція, соціальна динаміка, стійкий розвиток, глобалізація, комунікація, діалог, раціональність, рефлексія, цінність, символ, архетип*

Введение

Комплексное исследование феномена культурной традиции, ее статуса и роли в культурно-историческом процессе представляет собой одно из наиболее интересных направлений современного социально-философского познания. В 70-е гг. XX в. интерес к традиции в советской науке был преимущественно связан с развитием философии культуры, историко-этнографическими и этнологическими исследованиями. В работах таких известных авторов, как С.С. Аверинцев, С.Н. Артановский, А.И. Барсегян, Г.С. Батищев, М.М. Бахтин, В.С. Библиер, Ю.В. Бромлей, В.Б. Власова, А.Я. Гуревич, Ю.Н. Давыдов, Б.С. Ерасов, Э.С. Маркарян, В.В. Межуев, О.А. Осипова, В.Д. Плахов, В.Н. Сагатовский, К.В. Чистов, И.Е. Ширшов и др., традиция анализировалась с точки зрения ее категориального статуса, генезиса, роли в развитии социальных систем, организации социальных институтов традиционных обществ, взаимодействия традиций и новаций в исторической динамике культуры. В этот же период традиция становится объектом пристального внимания специалистов в области философии и методологии науки. Обращение к этой проблеме было обусловлено необходимостью выявить социокультурные факторы, детерминирующие мировоззренческую и методологическую позицию ученых и оказывающие существенное влияние на структуру и динамику научного знания (Т. Кун, И. Лакатос, М. Полани, П. Фейерабенд, В.С. Стёпин, Л.Н. Микешина, Н.В. Мотрошилова, А.И. Зеленков, В.Н. Порус и др.).

В западной философии феномен традиции становится предметом особого интереса в контексте социологии знания, постструктуралистской, семиотической и психоаналитической парадигм (К. Манхейм, Р. Барт, У. Эко, Ю. Кристева, М. Фуко, Ж. Лакан, С. Жижек и др.), где он сопрягается с анализом стилей мышления, языковых стереотипов и мифологем, структур власти, типов дискурса, феномена идеологии и т.д. Значительный вклад в семиотический анализ культурной традиции внесла Московско-Тартуская семиотическая школа (Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский, А.М. Пятигорский и др.). В 80-е гг. как в русскоязычных, так и западных исследованиях, появляются синтетические концепции

культурной традиции, направленные на теоретическое обобщение большого объема эмпирического материала, демонстрирующего различные формы ее проявления в культуре (Э.С. Маркарян, В.Д. Плахов, В.Б. Власова, Е. Шацкий, А.И. Зеленков). Феномен культурной традиции стал рассматриваться как неотъемлемый компонент духовной жизни общества, подчиненный закономерностям функционирования и развития культуры, как механизм сохранения и трансляции важнейших ценностных ориентаций и установок деятельности, оказывающих существенное влияние на характер и направление социальной и культурной динамики [7; 11; 19; 24; 26; 30].

В последующее десятилетие интерес к проблеме традиции в немалой степени был обусловлен актуализацией экологической проблематики в философских, социально-политических и культурологических исследованиях. Они убедительно продемонстрировали, что комплексная перестройка отношений общества с природной средой невозможна без изменения «человеческих качеств» (А. Печчеи) [8; 18; 23].

Культурно-мировоззренческая составляющая мирового развития стала предметом острых дискуссий, когда футурологические модели Римского клуба обнажили глубинные противоречия в динамике техногенной цивилизации и привлекли своими пессимистическими выводами внимание не только специалистов, но и широкой общественности. Критический анализ прогноза мировой динамики, разработанного Дж. Форрестером, вскрыл низкую прогностическую эффективность глобальных моделей будущего, основанных исключительно на ресурсных параметрах. Последующие футурологические проекты (Д. Медоуз, М. Месарович, Э. Пестель, А. Эррера, Я. Тинберген, В. Леонтьев, Н.Н. Моисеев и др.) вплотную подошли к проблеме синтеза экспертных оценок в области гуманитарного развития и системного моделирования социально-политических и ценностно-мировоззренческих аспектов глобальной динамики [9; 10; 13; 16; 25; 31; 37]. В частности, было убедительно продемонстрировано, что экологический оптимум планеты зависит не только от качества производственных технологий, чистоты и уровня замкнутости ресурсных циклов, но и от социокультурной составляющей общественного развития, от господствующих идеологий и ценностей [10]. Становление в современной науке экосистемной парадигмы, ее активное освоение такими социально-гуманитарными дисциплинами, как социология, демография, этнология, социальная антропология, стало еще одним шагом вперед по углублению данной проблематики.

Человеческие популяции, социальные институты, культура и природная среда стали рассматриваться как части единой системы, находящиеся в состоянии динамического равновесия. Актуальность приобрела проблема устойчивых корреляций между характером субстанциональной активности, природными условиями и репрезентативными качествами личности, на формирование которых ориентированы институты социализации [12; 17; 32; 35; 36]. В результате в российской науке получили признание новые научные направления: социальная и культурная экология,

этноэкология и социальная антропология, экология религии и урбанистика. Традиции в данном контексте начинают рассматриваться как социокультурные основания доминирующих стратегий природопользования, ответственные за его целевые программы и социально-экологические издержки, определяющие ценностные предпочтения и стереотипы отношения людей к природной среде [1; 5; 20]. На рубеже тысячелетий интерес к феномену традиции связан с комплексом проблем, порожденных глобализацией (И. Валлерстайн, С. Хантингтон, Дж. Грей, У. Бек, Р. Робертсон, З. Бауман, М. Хансенн, А.С. Панарин, Ю.В. Яковец и др.). Обострив проблему унификации культурно-информационного пространства, глобализация выявила необходимость детального исследования социальных механизмов, которые способны поддерживать культурное разнообразие мира.

В условиях лавинообразного роста информации проблема сохранения этнокультурной идентичности актуальна как никогда. Ее решение предполагает разработку оптимальных стратегий развития, которые могут обеспечить интеграцию различных обществ и культур в сеть глобальных коммуникаций без утраты ими своего неповторимого лица [2; 3; 4; 14; 15; 22; 28; 29; 33]. Кроме того, повышенный интерес к феномену традиции сегодня обусловлен еще и тем обстоятельством, что стремясь избежать глобальной катастрофы, мировое сообщество ищет экономически эффективные и, вместе с тем, экологически оптимальные формы развития. Обострение социально-экологических и ресурсных проблем усиливает взаимную зависимость регионов и обуславливает необходимость поиска новых форм социальной динамики как для относительно благополучных стран Севера, так и для отсталых государств Юга. Жесткий характер этой зависимости приводит к тому, что случайные события могут оказаться решающим фактором, который изменит режим устойчивости мировой системы. Чтобы подобные возмущения не оказались разрушительными для человечества, социальная динамика должна быть пластичной, рациональной, способствующей сохранению этнокультурного и экологического разнообразия. В данном контексте перед каждой страной встает проблема поиска эффективных социокультурных механизмов, способных радикально изменить скомпрометировавшие себя стратегии индустриального роста.

Сложность создания комплексных социальных технологий, способных открыть новые перспективы развития, в значительной мере объясняется инерционностью культуры. Явления социального запаздывания, которые, в сущности, необходимы, поскольку позволяют обществу оценить грядущие перемены и лучше подготовиться к ним, в современных условиях снижают устойчивость социальной системы, увеличивая вероятность катастрофических сценариев и предельных рисков в ее поведении. И все же наибольшую опасность представляет не инерционность сознания, как таковая, а его зависимость от определенных культурных штампов, которые не так просто преодолеть. Сами по себе, они не обязательно являются

Культурная традиция в контексте современной социальной динамики

элементом содержания традиции, а могут быть продуктом массовой культуры (установки консюмеризма, приоритет материальных форм престижеобретения, утилитарно-прагматическое отношение к природе и др.). Но будучи стереотипизированными формами обыденного сознания, подобные установки и ценностные ориентации, как правило, связаны с определенными ценностями и мировоззренческими идеями, транслируемыми механизмом традиции. В подобных случаях они становятся чрезвычайно живучими явлениями повседневности. Анализ таких, или подобных им форм влияния традиции на процессы социальных изменений также является актуальной задачей, поскольку ее решение позволяет найти необходимые способы нейтрализации консервативного воздействия традиции, препятствующего формированию новых, более адекватных современной ситуации моделей социального поведения. Именно поэтому комплексный анализ воздействий культурной традиции на различные аспекты социальной динамики призван раскрыть новые возможности данной, апробированной временем социальной технологии, регулятивно-нормативный потенциал которой еще не был в полной мере осознан рефлексивно-управленческими структурами современных обществ.

Целью данной статьи является обоснование актуальности нового ракурса исследования традиции, в котором она может рассматриваться как особый механизм социальной динамики, играющий немаловажную роль в определении и выборе современных стратегий цивилизационного развития. При этом автор полагает, что коммуникативная модель культурной традиции позволяет выявить те аспекты ее воздействия на социальную динамику современных обществ, которые не очевидны при использовании более узких определений традиции, фиксирующих исключительно ее консервативные стороны.

Обсуждение проблемы

Одним из наиболее распространенных употреблений данной категории в отечественной философии 70–90-х гг. было понимание культурной традиции как информационной составляющей человеческой деятельности, фиксирующей элементы социокультурного наследия, которые в относительно неизменном виде сохраняются и передаются от поколения к поколению в течение длительного времени. Традиция предстает как фактор культурной преемственности и стабилизации общественного развития, как механизм стереотипизации принимаемых группой инноваций [19, с. 172], как «особый тип отношений между последовательными стадиями развивающейся социальной системы, при котором на новом уровне бытия этой системы стереотипно и инвариантно воспроизводятся структурные и функциональные характеристики ее предшествующего уровня» [10, с. 145]. Благодаря традициям сохраняется духовная память народа, обеспечивается наследование образцов поведения и деятельности, осуществляется включение социальных новаций в структуры исторически апробированного опыта. Однако представление о традиции как неизменном основании культуры, особом способе ее консервации не позволяет проследить

механизм направленного воздействия традиции на процесс социальных трансформаций. С точки зрения автора статьи, регулятивный характер воздействия традиции сохраняет свою актуальность и для современных инновационных обществ, развитие которых в XX столетии предстает как «Великий Разрыв» (Ф. Фукуяма) [27]. Прежде всего, рассмотрим особенности коммуникативной модели традиции, которая предполагает расширительную интерпретацию данного феномена. В этой модели акцент сделан на динамических характеристиках традиции, которые раскрывают специфику темпорального среза ее существования в культуре. Подобный ракурс исследования представляется наиболее продуктивным в контексте анализа нелинейных, асимметричных и неравновесных процессов, имеющих место в структуре современной социальной динамики. Разумеется, традиционалистские и инновационные общества обладают различной степенью историчности, но необратимый характер их эволюции не вызывает сомнения. Это позволяет считать коммуникативную модель культурной традиции методологически продуктивной идеализацией для выявления конкретных особенностей социокультурного развития в цивилизациях разного типа.

Согласно предлагаемой модели, традиция может пониматься не только как способ формальной репродукции культурного наследия, но и как специфический механизм трансформации общества, задающий определенный вектор изменений. Суть его заключается в способности традиции установить асинхронный, направленный диалог между различными стадиями развития социума. Каким образом это происходит? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо кратко остановиться на анализе структурно-содержательных и функциональных особенностей традиции. Данные особенности проявляются в единстве ее субъект-объектных характеристик. С точки зрения объектных характеристик культурная традиция представляет собой совокупность исторически устойчивых элементов культурного наследия. Ее содержательная структура представлена такими компонентами, как архетипы, символы, идеи, ценности и нормы, стереотипы поведения и деятельности. Символы являются исходной формой репрезентации архетипов в смысловом пространстве культуры. Выраженный в символической форме архетип обретает смысловую определенность и конкретизацию в комплексе взаимосвязанных мировоззренческих идей, которые могут носить различный характер (религиозно-мифологический, философский, естественнонаучный (механистическая или квантово-релятивистская картина мира), социально-политический, эстетический и др.). Важно, что присущий конкретной культуре мировоззренческий комплекс идей (картина мира) внутренне связан с традицией и выстраивается вокруг ее центрального стержня, уходящего своими корнями в глубину архетипических образов прошлого – времени зарождения этноса, цивилизации, культуры. Эти идеи выполняют очень важную культурную функцию, они обосновывают социальную значимость, целесообразность, справедливость принятой в обществе

Культурная традиция в контексте современной социальной динамики

системы идеалов, ценностей и норм (моральных, социальных, правовых и т.д.), легитимируют их в общественном сознании, наделяя позитивным значением. Субъектные характеристики традиции указывают на социальную размерность ее содержания. Эти характеристики выражаются в многообразии форм интерпретации ценностно-символических оснований традиции различными социальными субъектами.

Роль традиций в потоках горизонтальных коммуникаций общества заключается в становлении многомерного диалога между всеми индивидами, общинами, социальными группами, которые заинтересованы в решении наличных проблем и минимизации ценностных конфликтов повседневной жизни. Посредством горизонтальной коммуникации процессы семиозиса (порождения новых смыслов), непрерывно идущие в культуре, втягиваются в орбиту влияния традиции, так называемого культурного ядра. Именно поэтому культурные традиции выполняют функцию социальной интеграции общества (или группы). Диахронное функционирование традиции выступает как поиск новых форм самоопределения при переходе социального организма от одного культурно-исторического этапа к другому. Оно представляет собой процедуру актуализации глубинных архетипов и символов в изменившемся социально-историческом контексте. В этом аспекте функционирования традиции ее направленное воздействие на процессы изменения наиболее очевидно. Традиция является неперенным атрибутом культурной динамики, без которого не может существовать историческое сознание, поскольку, обращаясь к прошлому, последнее всегда ангажировано, ценностно нагружено. Традиция может ориентировать на прошлое, как идеальный образец, эталон для подражания (китайский культ предков, идея «золотого века» в древнегреческой историографии и т.п.), а может задавать необратимый вектор трансцендентных ориентаций, устремленных в будущее, за пределы феноменального бытия (иудейский мессианизм, христианская эсхатология и др.).

Внутреннее содержание традиции предполагает различные механизмы воспроизводства культурного наследия. И эти правила ее существования во времени так же являются частью самой традиции. Присущие историческому сознанию дистанцирование от прошлого и рационализация внутренних противоречий социальной жизни, рефлексия над предпосылками своей самости (идентичности), стремление к самоопределению путем очерчивания границ между «своим» и «чужим», повышенное внимание к изменениям способов и форм инкультурации (смене институтов и практик социализации) – все эти процессы изнутри подвергаются влиянию неосознаваемых, неконтролируемых сил, которые Ф. Ницше, анализируя различные роды истории, называл «первой природой» [21, с. 178-179]. Эта «первая природа» заключена в архетипических основаниях культурной традиции. Они незаметным образом проявляются в специфике ценностных предпочтений и ожиданий людей, принадлежащих к определенной культуре. Именно эти часто не артикулируемые субъектами предпочтения определяют специфику менталитета того или иного народа, а, следовательно,

характерный для его исторической судьбы гештальт. Вместе с тем, бытие традиции интенционально, и осуществляется оно благодаря актуализации рациональной философской рефлексии. Не случайно К. Ясперс связывал осевую эпоху, пробуждающую древний мир к подлинно историческому бытию, с зарождением и развитием философии [34].

Философская рефлексия над устаревшими, отживающими свой век формами культурной жизни способствует релятивизации прежних социальных ценностей и формированию в сознании носителей данной культуры необходимой дистанции по отношению к прошлому историческому опыту. Без этой дистанции невозможна сама традиция, которая обнаруживается только при наличии темпорального вектора исторических изменений. Глубокая архаика, целиком погруженная в вечное настоящее мифа, не знает традиции, поскольку не ощущает своего движения во времени. Традиция определяет правила установления дистанции по отношению к прошлому, она задает определенное понимание социального времени. Благодаря этому субъекты данной культуры становятся способными обнаруживать скрытое влияние архетипов традиции на выбор путей дальнейшего развития общества и обусловленную этим влиянием противоречивость прошлых форм социокультурного бытия. Именно поэтому можно утверждать, что наличие традиции означает наличие исторического сознания, а на онтологическом уровне – историчность самого социального бытия. Направленное воздействие культурной традиции на векторы социальной динамики осуществляется не автоматически, а посредством активизации коммуникативных процессов в культуре. Выбор направлений дальнейшего развития всегда актуален в кризисные эпохи, когда границы устойчивости отживших форм социальной организации сузились до предела и не позволяют адаптировать новации. Именно в этот период потери устойчивости, стабильности развития возникает иллюзия утраты традиционных ценностей, распада прежней, некогда гармоничной картины мира. Однако именно в подобные переходные эпохи (например, римский Эллинизм, европейский Ренессанс, эпоха Просвещения, эпоха «Великого Разрыва», или Постмодерн) осуществляется актуализация диахронных механизмов традиции. Их актуализация предполагает формирование проблемного поля общественных дискуссий, ведущихся, как правило, на рациональных основаниях, но значительно расширяющих пространство интерпретации традиционных символов и мировоззренческих идей. При этом сама возможность коммуникации обеспечивается становлением новой языковой парадигмы, которая также возникает не на пустом месте, а укоренена в ценностно-смысловом горизонте традиции, хотя для своего формирования требует дистанцирования от прежних языковых практик. Следует отметить, что активный поиск социально приемлемых вариантов разрешения ценностных конфликтов, потрясающих общество, невозможен без определенной степени открытости общества и интенсивности социальной коммуникации. Поэтому в «закрытых» социумах стагнация неизбежна, она знаменует собой отмирание традиции, ее

Культурная традиция в контексте современной социальной динамики

постепенное забвение и вытеснение на периферию культурной жизни. Не случайно социальные революции, направленные на создание закрытых тоталитарных систем, предполагают в качестве следующего шага революцию «культурную», основной задачей которой всегда является уничтожение ценностно-символического ядра, духовно-мировоззренческого стержня традиции. И этот процесс зачастую сопровождается физическим уничтожением субъектов-носителей этого культурного ядра (репрессии против аристократии и церковных иерархов в 20-е – 30-е гг. XX в. в СССР, нацистские репрессии против деятелей немецкой культуры и науки, маоистская «культурная революция», имевшая в своем архиве репрессии против конфуцианцев во времена империи Цинь в конце I тыс. до н.э.).

Особенности диахронного функционирования традиции показывают, что значимость традиции для культурной жизни общества нарастает по мере повышения степени историчности его бытия. Инновационные общества гораздо более нуждаются в стабилизирующем и регулятивно-нормативном воздействии культурной традиции, чем общества древние или аграрные доиндустриальные, в которых темпы социальных изменений низки и привязаны к локальным системам счета времени. Этот вывод подтверждает и характер социокультурной адаптации общества к специфике внутренних и внешних требований. В отличие от биологических форм адаптации, она всегда строилась по принципу положительных обратных связей, и предполагала не столько сокращение параметров роста и консервацию исходных состояний, сколько изменение систем жизнеобеспечения и поиск новых ресурсов.

Механизмы социокультурной адаптации общества строятся на разнообразии возможностей развития. В современных условиях это особенно актуально. Изменчивость, а не постоянство должна быть ведущей характеристикой поведения социума, так как именно она определяет способность системы к самовосстановлению и самоконтролю. Следует отметить, что современное понимание термина «устойчивое развитие» («sustainable development») также предполагает, что развитие мировой цивилизации должно стать более динамичным, интенсивным, переменчивым. Согласно данной концепции, социально-экономическое и экологическое благополучие обществ при устойчивом развитии должно опираться не столько на увеличение объема ресурсных циклов, сколько на интенсификацию духовной, интеллектуальной составляющей развития. Благополучие предполагает интенсификацию научного прогресса, рост инноваций в области информационных систем и технологий, высвобождение духовно-творческого потенциала личности и переориентацию социально значимых ценностей на духовно-интеллектуальные формы престижеобретения. Другими словами, новое качество развития предполагает опору на особый социальный капитал, а, следовательно, актуальной задачей становится пересмотр традиционных ценностей в контексте требований времени, и восстановление в своих правах тех общечеловеческих императивов и моральных норм, которые

поддерживали в прежние времена высокий уровень социальной интеграции и социального доверия в обществе. Идеи системного подхода, применяемые в контексте разработки стратегий устойчивого развития, позволили вывить, что области устойчивости в социальных системах могут видоизменяться под действием селективных социальных механизмов. Те институты и учреждения общества, политика которых предусматривает коррекцию тактики или модификацию стратегии с частотой, определяемой скоростью происходящих изменений, сохраняют способность к гибкой и адаптивной реакции на происходящее. В обществе такая адаптивность проявляется как историчность, которая препятствует формальному воспроизводству установленного порядка и требует его качественной трансформации. Она проявляется в росте культурных инноваций, увеличении объема и скорости распространения информации, преобразовании систем коммуникации, высокой степени социальной мобильности.

Уровень технического и информационного развития современных обществ таков, что устойчивость их социальных систем может быть гарантирована только инновационным типом экономики. Это, в свою очередь, предполагает перманентный рост инвестиций в науку и технику; использование в управлении социальными процессами сложных систем переработки информации; создание такой организации социального управления, которая способна генерировать постоянно обновляющуюся систему средств и целей социальной деятельности. Общество с высокой степенью историчности должно обладать динамичной социальной структурой, поскольку инновационные процессы требуют образования все новых и новых лидирующих групп. Сбалансированность инноваций в сфере материальных и социальных технологий выступает сегодня в качестве одного из ключевых требований устойчивого развития. С одной стороны, это предполагает динамичную социальную организацию с высокой степенью вертикальной и горизонтальной социальной мобильности, открытость экономической и общественно-политической жизни, ориентацию на постоянное совершенствование демократических институтов власти, интенсивное развитие гражданского общества, формирование правового государства, свободу коммуникаций. Как удачно подметил еще М. Вебер, подобный тип социальной динамики связан с формированием в недрах европейской культурной традиции особых, трансцендентных ориентаций, предполагающих устремленность темпоральных ожиданий в будущее, которое посредством рациональных социальных действий должно стать лучше, чем прошлое и настоящее. Ориентация на активное переустройство социального порядка в направлении его все большей гуманизации сегодня распространяется и на сферу социоприродных отношений, что делает экологическую политику одним из приоритетных направлений деятельности. С другой стороны, устойчивый, сбалансированный характер социальной динамики предполагает использование стабилизирующего потенциала культурной традиции, которая позволяет компенсировать сложившийся в эпоху индустриализма

Культурная традиция в контексте современной социальной динамики

перекос инновационных процессов в сторону технико-технологических параметров роста.

Выводы

Таким образом, традиция – это интегральная характеристика социокультурной динамики, природа которой заключена в установлении ценностно-смысловых отношений между разнесенными во времени социальными состояниями общественной жизни. Исторический диалог, формируемый традицией, осуществляется в горизонте ее ценностно-символических, архетипических оснований. Бытие традиции представляет собой непрерывную коммуникацию в единстве диастолического и систолического измерений. Она является механизмом связи пространственно-временных характеристик социальной реальности. Поэтому традиция – это не только способ формальной репродукции наследия, который обеспечивает его сохранение и воспроизведение в относительно неизменном виде. Она также специфический механизм стабилизации развития, благодаря которому осуществляется направленная реинтерпретация мировоззренческих идей и фундаментальных символов культуры применительно к новым задачам и потребностям, а опыт поколений адаптируется к социально-историческим условиям современности.

Литература

1. Афонина, В.Н. Глобальная экология и проблемы культурной традиции / В.Н. Афонина // Взаимодействие общества и природы: Филос.-методол. аспекты экол. пробл.: Сб. ст. / АН СССР, Ин-т философии ; Отв. ред. Е.Т. Фаддеев. – М.: Наука, 1986. – С. 303-316.
2. Бауман, З. Глобализация. Последствия для человека и общества Globalization. The human consequences: пер. с англ. / З. Бауман. – М.: Весь мир, 2004. – 185 с.
3. Бек, У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию / У. Бек; [Пер. с нем. А. Григорьева, В. Седелника; общ. ред. и послесл. А. Филиппова]. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 304 с.
4. Валлерстайн, И. После либерализма / И. Валлерстайн; пер. с англ. М.М. Гурвица и др.; под ред. Б.Ю. Кагарлицкого. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 253 с.
5. Василенко, Л.И. Отношение к природе: «традиция управления» и «традиция сотрудничества» / Л.И. Василенко // Вопросы философии. – 1987. – № 7. – С. 145-154.
6. Вебер, М. Избранное: протестантская этика и дух капитализма: [пер.] / М. Вебер. – М.: РОССПЭН, 2006. – 648, [3] с.
7. Власова, В.Б. «Хорошее общество», модернизация и традиция / В.Б. Власова // Философские науки. – 2001, № 4. – С. 35-48.
8. Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности: [Сб.]: Пер. с англ. и фр. / Сост.: Л.И. Василенко, В.Е. Ермолаева; Ввод. ст. Ю.А. Шрейдера. – М.: Прогресс, 1990. – 495 с.

9. За пределами роста Beyond the limits: Предотвратить глобал. катастрофу. Обеспечить устойчивое будущее: Учеб. пособие / Д.Х. Медоуз, Д.Л. Медоуз, Й. Рандерс; Пер. с англ. Г.А. Ягодина и др.; Под ред. Г.А. Ягодина. – М.: Прогресс. Пангея, 1994. – 303 с.

10. Зеленков, А.И. Динамика биосферы и социокультурные традиции / А.И. Зеленков, П.А. Водопьянов. – Мн.: Изд-во «Университетское», 1987. – 239 с.

11. Зеленков, А.И. Социокультурный статус традиций и их роль в динамике культуры / А.И. Зеленков // Вестник Белорусского государственного университета. Серия 3. История. Философия. Политология. Социология. Экономика. Право. – 1996. – № 3. – С. 3-8.

12. Крупник, Н.И. Арктическая этноэкология. Модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Сев. Евразии / Н.И. Крупник. – М.: Наука, 1989. – 271 с.

13. Культура и устойчивое развитие мирового сообщества в XXI веке. – М.: Информациология, 2002. – 131 с.

14. Культура имеет значение : Каким образом ценности способствуют обществ. прогрессу: Сб.: Пер. с англ. / Под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. – М.: Моск. шк. полит. исслед., 2002. – 315 с.

15. Культурное разнообразие, развитие и глобализация [Cultural diversity, development and globalization]: по результатам дискуссий круглого стола, 21 мая 2003 года, Москва / редкол.: К.Э. Разлогов, В.К. Егоров (сопред.) [и др.]. – М.: РИК, 2003. – 131 с.

16. Ласло, Э. Макросдвиг: К устойчивости мира курсом перемен / Э. Ласло; с предисл. А.Ч. Кларка; Пер. с англ. Ю.А. Данилова. – М.: Тайдекс Ко, 2004. – 207 с.

17. Лич, Э. Культура и коммуникация : Логика взаимосвязи символов : К использованию структур. анализа в соц. антропологии / Э. Лич; Пер. с англ. И. Ж. Кожановской; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. – М.: Вост. лит., 2001. – 142 с.

18. Маркарян, Э.С. Императивы выживания и научно-технический прогресс / Э.С. Маркарян // Системные исследования: Методологические проблемы: [Ежегодник]. 1988. – М.: Наука, 1989. – С. 174-192.

19. Маркарян, Э.С. Теория культуры и современная наука: (Логико-методологический анализ) / Э.С. Маркарян. – М.: Мысль, 1983. – 284 с.

20. Минкявичюс Я.В. Место и роль культуры во взаимодействии общества и природы // Философия и культура. XVII Всемирный философский конгресс: проблемы, дискуссии, обсуждения. – М.: Наука, 1987. – С. 216-235.

21. Ницше, Ф. О пользе и вреде истории для жизни / Ф. Ницше // Ницше, Ф. Соч. в 2-х томах. Т.1. – М.: Мысль, 1996. – С. 158-230.

22. Панарин, А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке / А.С. Панарин. – М.: Алгоритм : Эксмо, 2004. – 636 с.

23. Печчеи, А. Человеческие качества / А. Печчеи; [Пер. с англ. О.В. Захаровой; Общ. ред. и вступ. ст. Д.М. Гвишиани]. – 2 изд. – М.: Прогресс, 1985. – 312 с.
24. Плахов, В.Д. Традиции и общество: опыт филос.-социол. исслед. / В.Д. Плахов. – М.: Мысль, 1982. – 220 с.
25. Римский клуб The Club of Rome : История создания, избр. докл. и выступления, офиц. материалы / [Сост.: Д.М.Гвишиани и др.; Пер. с англ.: Е.В.Нетесова, А.А.Сейтов]; Под ред. Д.М.Гвишиани. – М.: УРСС, 1997. – 377, [3] с.
26. Традиции и инновации в духовной жизни общества: Сб. науч. трудов. – М.: АН СССР, 1986. – 192 с.
27. Фукуяма, Ф. Великий разрыв: [пер. с англ.] / Ф. Фукуяма. – М.: Ермак. – Кызыл : АСТ, 2004. – 476 с.
28. Хансенн, М. Ценности, которые мы защищаем, перемены, к которым мы стремимся: Социал. справедливость в условиях глобализации экономики : повестка дня МОТ : Докл. Генер. директора: Пер. / М. Хансенн; Междунар. конф. труда, 81-я сессия, 1994 г. – М.: Междунар. бюро труда. Моск. отд-ние, 1994. – IV, 79 с.
29. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций: Пер. с англ. / С. Хантингтон; [Послесл. С. Переслегина]. – М.: АСТ; СПб.: Terra fantastica, 2003. – 605 с.
30. Шацкий, Е. Утопия и традиция: Пер. с польского / Общ. ред. и послесл. В.А. Чаликовой. – М.: Прогресс, 1990. – 459, [1] с.
31. Экологические и социокультурные аспекты устойчивого развития: Сб. ст. / Акад. наук Беларуси, Ин-т филос. и права, Отд. науч. информ. по гуманитар. наукам; Под ред. П.А. Водопьянова. – Мн. : АНБ, 1997. – 178 с.
32. Этнология в США и Канаде : Сб. ст. / АН СССР, Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая; Отв. ред. Е.А. Веселкин, В.А. Тишков. – М.: Наука, 1989. – 326, [1] с.
33. Яковец, Ю.В. Глобализация и взаимодействие цивилизаций / Ю.В. Яковец ; Междунар. ин-т П. Сорокина – Н. Кондратьева. – М.: ЗАО Изд-во «Экономика», 2001. – 346 с.
34. Ясперс, К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс; Сост. М.И. Левиной, П.П. Гайденко; Вступ. ст. П.П. Гайденко; Пер. с нем. М.И. Левиной; Коммент. В.Н. Катасонова. – 2-е изд. – М.: Республика, 1994. – С. 27-286.
35. Netting, R. Cultural ecology / R. Netting. – Menlo Park (Californ.): Californ. State Univ., 1977. – 352 p.
36. Orlove, B.S. Ecological Anthropology / B.S. Orlove // Annual Review of Anthropology. – 1980. – Vol. 9. – P. 45-53.
37. Taking Nature into Account : A report to the Club of Rome. Toward a Sustainable National income / Ed. By Wouter Van Dieren. – N.Y.: Springer Verlag, Copernicus Inc., 1995. – 332 p.

Анохина В.В. Культурная традиция в контексте современной социальной динамики.

В статье обосновывается эвристическое значение коммуниктивной модели культурной традиции для анализа современной социальной динамики. Предложенная автором интерпретация традиции помогает представить данный феномен в единстве его содержательных, структурно-функциональных и динамических характеристик. Также данная модель предлагает определить механизм влияния традиции на формы и направления развития современных обществ.

Ключевые слова: культурная традиция, социальная динамика, устойчивое развитие, глобализация, коммуникация, диалог, рациональность, рефлексия, ценность, символ, архетип.

Anokhina V.V. Cultural tradition in the context of modern social dynamics

In article the heuristic importance of the communicative model of cultural tradition, what helps to analyze of modern social dynamics, is proved. Interpretation of tradition offered by the author allows to present the given phenomenon in its unity substantial, structurally functional and dynamic characteristics. Also this model allows to define the mechanism, by which a cultural tradition influences forms and directions of modern societies development.

Key words: cultural tradition, social dynamics, steady development, globalization, the communications, dialogue, rationality, reflection, value, symbol, archetype.